

И. В. Ершова^{ab}<https://orcid.org/0000-0001-7319-2945>✉ i.v.ershova@list.ru

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

^b Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

КОММЕНТИРУЯ СРЕДНЕВЕКОВУЮ ХРОНИКУ: МЕЖДУ ВЫМЫСЛОМ И ПРАВДОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ», XIII В.)

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме комментирования средневековой хроники (на примере старoisпанской «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого) и необходимости не только поиска источников тех или иных больших и малых сюжетов, но и объяснения выбора слов, именований, а также механизма сложения различных сюжетов с точки зрения проблемы правды/вымысла (*verdad/fabula*) в представлении средневекового хрониста: важная цель хрониста — представить свой рассказ как правду и сделать это убедительными средствами для слушателя и читателя. В качестве примера взят известный хроникальный рассказ о генеалогии гуннов (Иордан, св. Иероним, Сигиберт из Жамблу), уточненный и отредактированный испанскими хронистами, а также две этиологические легенды о происхождении значимых топонимов и основании важнейших городов Испании (легенда о замужестве Либерии, дочери Испана; легенда о короле Рокасе). Исследование показало, что задача создания достоверного рассказа достигается или намеренным конструированием нового, неизвестного сюжета (истории Либерии и Рокаса), без отчетливо опознаваемого источника, или осознанным уточнением и изменением традиционных сведений (сатиры как прародители гуннов).

Ключевые слова: комментарий, средневековые хроники, «История Испании», Альфонсо X, правда/вымысел, гунны, Либерия, Рокас

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Ершова И. В. Комментируя средневековую хронику: между вымыслом и правдой (на материале «Истории Испании», XIII в.) // Шаги/Steps. Т. 10. № 2. 2024. С. 296–309.

Поступило в редакцию 24 февраля 2024 г.; принято 20 марта 2024 г.

I. V. Ershova

<https://orcid.org/0000-0001-7319-2945>

✉ i.v.ershova@list.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

COMMENTING ON MEDIEVAL CHRONICLES: BETWEEN FICTION AND TRUTH (ON THE MATERIAL OF THE “HISTORY OF SPAIN”, 13TH CENTURY)

Abstract. The present article is devoted to the problem of commenting on medieval chronicles (on the example of the Old Spanish *Estoria de España* by Alfonso X the Wise, 13th c.) and the need not only to search for the sources of certain large and small stories, but also to explain the choice of words, naming, and the mechanism of putting together various stories from the point of view of the problem of truth/fiction (*verdad/fabula*) in the perception of the medieval chronicler, for whom an important goal is to present his story as truth and to make it compelling for the listener and reader. As an example, we examine the well-known chronicle story about the genealogy of the Huns (Jordan, St. Jerome, Sigebert of Gembloux), refined and edited by the editors of the Spanish chronicle, as well as two etiological legends about the origin of significant toponyms and the founding of the most important cities of Spain (the legend of the marriage of Liberia, daughter of Span; the legend of King Rocas). The studied stories have shown that the task of creating a reliable story is achieved either by deliberately creating a new, unknown narrative (the stories of Liberia and Rocas) without a clearly identifiable source, or by consciously clarifying and changing traditional information (satyrs as progenitors of the Huns).

Keywords: commentary, *cronicas medievales*, *Estoria de España*, Alfonso X, truth/fiction, Huns, Liberia, Rocas

Acknowledgements. The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Ershova, I. V. (2024). Commenting on medieval chronicles: Between fiction and truth (on the material of the “History of Spain”, 13th century). *Shagi / Steps*, 10(2), 296–309. (In Russian).

Received February 24, 2024; accepted March 20, 2024

Давая комментарий к разнообразным микросюжетам, вплавленным в ткань средневековой хроники, важно не только пытаться найти и указать источник рассказа (в некоторых случаях, как мы увидим, его нет и быть не может), но понять и объяснить выбор слов, терминов, именовании, а также механизм сложения различных сюжетов, взглянув на все новации и изменения сквозь призму проблемы правды/вымысла так, как ее представляет средневековый хронист. Богатый материал для этого дает староиспанская «История Испании» (XIII в.), созданная под непосредственным руководством Альфонсо X Мудрого в его историографических мастерских.

Внутри Средневековья дихотомия *fabula/historia* была сформулирована вполне отчетливо; базовое различие ее составляющих поясняет в своих «Этимологиях» еще Исидор Севильский:

Также и между историей, рассказом и басней есть различие. Ведь истории — это истинные дела, которые произошли, рассказы (*argumenta*) — это то, что хотя и не произошло, однако же могло быть, а басни — это то, чего не было и быть не могло, ибо они противоестественны (Этимологии. Кн. I: О грамматике. Гл. LIV: О родах истории, 5).

Исидор, как видно, использует также понятие *argumentum* ‘рассказ’, приписывая ему то самое свойство, которым в «Поэтике», согласно Аристотелю, поэзия отличается от истории:

Ибо историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть (Поэтика 51b1–b4).

Последний компонент Исидоровой триады, «фабула» (этим словом обозначают и миф, басню, и сказку) — это нечто придуманное в противовес достоверному и нечто невозможное в противовес правдоподобному.

Истории и хроники стремятся вобрать в себя все то, что в представлении их авторов подходит под значение «история, правда», тщательно, хотя и не всегда убедительно, отбрасывая все то, что грешит против возможной достоверности. В понятие «правдивого», «истинного» в представлении средневекового историка включается все, что освящено 1) авторитетом древности (хотя и предполагаются некоторый отбор материала и способ его интерпретации); 2) включением в состав создаваемого текста предыдущих историографических сочинений; 3) привязкой материала к историческим событиям. Именно поэтому, например, сказочная история Рыцаря с Лебедем естественно включалась в хроники крестовых походов как часть генеалогии Готфрида Бульонского, а сюжеты староиспанских и старофранцузских «песен о деяниях» и легендарных романсов, рассказывающие об исторических (на самом деле преимущественно псевдоисторических) событиях, — в исторические труды Альфонсо Мудрого, а дальше во всю испанскую историографию вплоть до XIX в.

Сами испанские хронисты между тем вполне различали то, что им казалось правдивой, точной (*verdad*) информацией, не совсем достоверными рассказами и откровенными небылицами. Так, вполне доверяя общей канве «песен о деяниях», чему есть множество свидетельств, хронистам более достоверным кажется материал латинских источников (и не всегда только историографических). В «Истории Испании» и ее редакциях можно различить, по сути, те же три меры «истинного»: *verdad de las estorias* (предшествующая латинская историография, в частности, «О делах испанских» Родриго Толедского и «Всемирная хроника» Луки Туйского, XIII в.); *verdad de los juglares* (рассказ, близкий по смыслу *argumentum* Исидора Севильского) и *fabliella* (выдумка, миф, басня, нечто заведомо ложное и несуразное). *Fabliella*, по мнению Гомеса Редондо, «не отсылает к конкретному литературному регистру, а скорее подразумевает способ организации рассказа с помощью повествовательных приемов, предполагающих сюжетную структуру, близкую к вымыслу» [Gómez Redondo 1998: 1110]. Однако под именованном *fabliella* понимается еще и мера вымысла, фиктивности какого-то сообщения или события¹. Характерно, что те сведения, которые были представлены в виде *fabla* или *fabliella*, тоже зачастую попадают в историю (с оговорками хронистов), поскольку за ними скрываются подлинные факты, неудачна лишь форма их представления [Rubio Tovar 2019: 3]. Между тем все относящееся к *historia* должно было быть устроено и изложено иначе (при этом необходимо учитывать, что историография в Испании вплоть до первой трети XIII в. существует на латинском языке, а потому многие оговариваемые свойства «историй», «хроник», «анналов» сформулированы прежде всего по отношению к латинской историографии): речь должна быть проста (она не знает «счета и метра»); изложение событий не требует искусности в организации повествования; смысл не нуждается в дополнительном толковании и украшивании (буквальный смысл рассказываемого); рассказ преимущественно рассчитан на чтение и хранение. Немаловажным оказывается и принцип достоверности/правдивости излагаемого материала. В самом тексте содержится немало уточнений для различения двух типов повествования — вымышленного и правдивого.

Однако следует оговорить, что на взгляд современного исследователя средневековый историк не только не различает историю и фикцию, но и активно творит эту самую вымышленную реальность, включая в текст хроник литературные тексты или используя литературные и фольклорные модели и клише для создания своего нарратива. С. И. Лучицкая отмеча-

¹ Контексты употребления *fabla/fabliella* в «Истории Испании»: 1) «Когда Геркулес пришел в это место, он узнал, что правит в Гесперии могущественный царь и владеет он землями от Тахо до Дуэро, а поскольку господствовал он над семью провинциями, то в древних сказочках было сказано, что был царь о семи головах» (История Испании, гл. 7); «Это море между Азией и Европой; и этот город, и пролив, и гавань получили имя Босфор от Ио, египетской богини, о которой рассказывается в сказках (*fablas*) язычников, будто бы она переплыла его в виде коровы» (Там же, гл. 144).

ет: «В Средние века перед автором, будь то историк или поэт, видимо, не стояла задача воспроизведения истинно происходящего, их цель заключалась в том, чтобы эту истину создать и убедить своих читателей в том, что “это произошло” (с’est arrivé)» [Лучицкая 2001: 353]. Важная цель хрониста — представить свой рассказ как правду и сделать это средствами, убедительными для его слушателя и читателя².

Встречающееся в «Истории Испании» выражение *verdad de las estorias* как раз и поясняет то, как эту достоверность понимает средневековый историк. Например, в «критической версии»³ «Истории Испании» редакторы часто оговаривают разность в изложении тех или иных событий в устах хугларов и у латинских историков. При этом «правда» истории и «правда» эпоса не противоречат друг другу, а лишь расходятся в обстоятельствах, как произошло то или другое событие⁴. К тому же порой логика эпоса оказывается более точной с точки зрения внутренней логики развития тех или иных событий. Кроме того, хроника стремится прояснить все, что касается причин и следствий тех или иных событий, не проговоренных в эпосе, и наоборот — ликвидировать пробелы в текстах историков по части полноты описываемых событий и их драматической напряженности.

Как в случае со сказаниями хугларов о деяниях эпических героев, так и при изложении древних легенд редакторы хроники стремятся выбрать более достоверную версию даже тех сюжетов, которые заимствованы из весьма авторитетных авторов древности (Иероним, Иордан, Орозий и пр.), знакомых придворной аудитории и ученым кругам, которым и адресована хроника, и стараются преподнести любой сюжет в такой форме, чтобы он звучал максимально правдоподобно, прибегая для этого к разным средствам. Принцип достоверности и правдоподобия очень многое определяет и в тех легендах, которые сочинены самими авторами «Истории Испании». Взглянем на ряд таких микросюжетов, то и дело возникающих в хрониках Альфонсо Мудрого. Причины их появления могли быть самыми разными: где-то это стремление сообщить необходимую информацию, как в случае с легендой о происхождении гуннов, а где-то необходимость заполнить лакуны самой древней эпохи истории Испании.

² В [Лучицкая 2001] также см. о различных аспектах разграничения и восприятия достоверного, документального и вымышленного, фантастического в средневековой историографии и методологических подходах современного исследователя.

³ Вторая редакция памятника, или «критическая версия» (*versión crítica*, ок. 1282–1284), — одна из ветвей альфонсовой редакции «Истории Испании», которая может быть прослежена от начала рассказа о варварах до смерти короля Леона Фернандо II. Считается, что «критическую редакцию» сохранила «Хроника двадцати королей» (*Crónica de veinte reyes*, MS Ss).

⁴ Как замечают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, «...в изложении событий недавнего минувшего времени летописец в максимальной степени придерживался принципа достоверности. Следует учитывать только, что эта самая достоверность нередко формировалась с помощью одного, а то и двух фильтров: соответствие авторитетным книжным образцам и соответствие повествовательному канону устной традиции» [Литвина, Успенский 2009: 52].

В «Истории Испании» часто возникают своего рода внутренний комментарий и уточнения к уже упоминавшимся в других хрониках рассказам о том или ином событии. Так, на наш взгляд, обстоит дело с генеалогией гуннов, устранивших и поработивших почти всю Европу:

...жили среди его народа женщины, сведущие в заклинаниях и колдовстве, и называли их на готском наречии алирунны. И опасаясь, что они причинят какой-либо вред его воинам, он изгнал их от своего войска и отослал очень далеко, дабы они ушли в горы и пустыни. И те, уйдя туда в скорби, обнаружили там мужей, живущих в горах, которых называли сатирами и шаловливыми фавнами. Этих-то существ и обнаружил святой Антоний в пустыне, когда бродил в поисках святого Павла, первого отшельника. Согласно рассказу святого Иеронима, одного из них привезли однажды живым в Александрию императору Констанцию, но не застали там императора и оставили сатира умирать; однако те, кто его привез, вскрыли его, засолили и отвезли в Антиохию, дабы показать императору Констанцию; был он очень маленьким, и вся его голова была полна мелкой спорыньей. Эти-то существа, когда встретили тех готских женщин, совокупились с ними и породили сыновей и дочерей, от которых и пошел род гуннов (История Испании, гл. 401)⁵.

В этом фрагменте староиспанской хроники смешались следы нескольких источников. С одной стороны, это самая известная версия, изложенная у Иордана, где сказано, что гунны появились от браков колдуний с «нечистыми духами»⁶ (*spiritus inmundi*), с другой — версия «Жития Павла Пустынника»⁷ св. Иеронима. Более сжатая версия, но продолжающая ли-

⁵ «...fallo et de todas las gentes unas mugieres sabideras de encantanlientos et de fechizos, et llamauan las en el language de los godos atirunnias; et temiendo que faríen algunos fechos malos en su gente, fizo las echar de la hueste et sagudar much alexos, assi que se fueron pora las montannas et pora los yermos. E ellas andando allí cuernodesarradas fallaron las los omnes montesinos que son llamados sátiros et faunos ficarios. E destos tales fallo uno sant Antonio en el desierto quando fue buscar a sant Paulo el primero hermita. E segund cuenta sant Iheronimo uno dcstos tales troxieron una uez uiuo en presente a Alexandria all emperador Costando, e no fallaron hy ell emperador, et dexosse morir el sátiro, e los que lo trayen abrieron lo et saláronle et leuaron le a Anthiochia amostralle all emperador Costancio; et era muy pequenno, et traye toda la cabeqa llena de cornezuelos pequenno» (PCG, cap. 401).

⁶ «Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы пятым по порядку держал власть над гетами и, как мы рассказали выше, вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, — малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи» (Гетика: 177).

⁷ «Не много спустя, в каменистой долине Антоний увидел небольшого человека с загнутым носом и с рогами на лбу, а нижняя часть его тела оканчивалась

нию св. Иеронима в изображении прародителей гуннов, представлена в «Хронике Сигиберта из Жамблу (считающегося очень вероятным источником «Истории Испании»); там есть «фиговые фавны», которые обозначены как люди, хотя и дикие (топос «д и к о г о ч е л о в е к а» тут очевиден): «лесные люди, которых некоторые называют фиговыми фавнами» (*Quas silvestres homines quos nonnulli Faunos ficarios vocant — Chronica Sigeberti Gemblacensis: 63 C, D*). Что касается названия существ, то, похоже, версия совокупления колдуний с нечистыми духами кажется испанским хронистам очень маловероятной, а потому «История Испании» предпочитает другой вариант именования существ, по Иерониму: гунны родились от браков колдуний с фавнами или сатирами. Однако хронист вносит в описание несколько поправок: 1) первым и главным обозначением становится слово «сатиры»; 2) существа эти лишены умения говорить. И эти изменения не случайны. И у Иордана, и у Иеронима, и у Сигиберта из Жамблу свидетельством их человечности, в частности, становится человеческая речь (в «Житии Павла Пустынника» Иеронима фавн прямо разговаривает со св. Антонием, а согласно Иордану единственное, что причисляет духов к человеческому роду, это «подобие человеческой речи»). Таким образом, во всех трех источниках прародители гуннов представлены хоть и дикими, странными и чудовищными, но людьми.

Между тем обозначение «сатир» ко времени написания староиспанской истории (XIII в.) в средневековом сознании отчетливо закреплено за существом из животного мира. «Сатиры» обязательно присутствуют в средневековых бестиариях и тем самым оказываются узаконенными в своем реальном существовании в мире животных. Пример тому — статья «Сатир» в Абердинском бестиарии, описывающая одну из разновидностей обезьян:

О Сатирах. Есть и такие [обезьяны], кого называют сатирами, на лицо вполне приятные, но беспокойные из-за передразнивающих движений. Каллитрихи (букв. «красивошерстные». — *И. Е.*) практически во всех отношениях отличаются от других. На лице у них борода, хвост широкий. Поймать их нетрудно, но разводить (или: держать в неволе / показывать. — *И. Е.*) получается редко. Не живут они нигде, кроме как под эфиопским небом, которое [есть] их [небо]⁸.

козлиными ногами. Пораженный и этим зрелищем, Антоний, как добрый воин, воспринял щит веры и броню надежды. Упомянутое животное принесло ему для дорожного продовольствия пальмовые плоды как бы в залог мира. Увидав это, Антоний остановился и, спросив у неведомого существа, “кто ты?” получил такой ответ: “я смертный, один из обитателей пустыни, которых прельщенное всякими заблуждениями язычество чтит под именем фавнов, сатиров и кошмаров, давящих во время сна. Я послан к тебе от своих собратьев. Просим тебя, помолись за нас общему Господу, Который, как мы слышали, пришел некогда для спасения мира и во всю землю прошло вещание Его[”]» (Жизнь Павла Пустынника: 5).

⁸ «*De Satiris. Sunt et quos vocant satiros facie admodum grata, gesticulatis motibus inquiete. Callitrices toto pene aspectu, a ceteris differunt. In facie barba est, lata cauda. Nos capere non est arduum. Sed proferre rarum. Neque vivunt in altero quam in Ethio [excised, A: Ethiopico hoc est suo celo]*» (Fol. 13) (Абердинский бестиарий, XII в.).

Обезьяна в Средние века — традиционный символ дьявольской, бесовской силы [Махов 2013: 270], так что дьявольское начало в происхождении гуннов тоже сохраняется. Редакторы испанской хроники, как кажется, намеренно выбирают первым именованием не «фавн», а именно «с а т р», т. е. название животного; в Абердинском bestiarii тоже используются оба слова, однако словарная статья дана на «сатира». И что особенно важно, в «Истории Испании» из рассказа о происхождении гуннов начисто убран мотив человеческой речи. Жестокосердые и звериные по своей жесткости гунны могли родиться только от совокупления с животным. Таким образом, сам выбор наименования — животного вместо беса, животного вместо условного «дикого человека» — верифицирует достоверность события, переводя его из разряда *fabula* (или *fabliella* — «История Испании» любит это слово) в событие правдивое, хотя и неординарное.

В тех случаях, когда в «Истории Испании» существует хронологический провал, недостаток национального легендарного материала или происхождение чего-либо невнятно либо о событии ничего не известно, хронисты изобретают собственные микросюжеты, заполняя тем самым важные для них лакуны. Обычно современные комментаторы указывают на то, что такой отдельный рассказ или легенда создается при помощи нераспознаваемого источника; комментаторская формула гласит: источник неизвестен. Формула эта, по сути, предполагает, что мы ищем источник целого рассказа, всего микросюжета, чаще всего по умолчанию фольклорного свойства. Однако пристальный сюжетно-мотивный анализ таких микросюжетов показывает, что распознать сюжет чаще всего не удастся именно потому, что такого единого сюжета-источника не существует. Механизм сюжетосложения в «Истории Испании» зачастую предполагает не заимствование какого-то одного сюжета, а некоторую комбинацию мотивов, которые, сочетаясь неожиданным образом, уводят в сторону от очевидных источников и тем самым также создают эффект новизны сообщаемой информации и ее возможной достоверности. Ведь заимствование без изменений конкретного сюжета (особенного сказочного или житийного), бесспорно известного публике и легко ею угадываемого, подвергнет достоверность рассказа сомнению. При этом сами отдельные мотивы знакомы по другим сюжетам и вызывают доверие слушателя и читателя. А потому строительным материалом для хронистов оказывается набор типологически нейтральных мотивов, взятых как из книжной традиции, так и из фольклора (и этот материал в каком-то смысле оказывается предпочтительнее книжного).

Именно так в «Истории Испании» происходит с этиологическими легендами, которые повествуют о древнейших временах заселения Иберийского полуострова и основания его важнейших городов, закладки сооружений (например, маяка Геркулеса, Геркулесовых столбов), маркирующих границы будущей Испании. Современный комментатор не подвергает сомнению вымышленный характер таких легенд, задача же средневекового хрониста — придать им вид хотя и легендарного, но прав-

доподобного предания. Рассмотрим два таких сюжета: историю правителя Испана и его дочери Либери, основавшей Кадис, а также историю короля Рокаса, основателя Толедо.

У Альфонсо X важнейшую роль в основании Испании играет герой-эпоним Испан, впервые упомянутый в латинской хронике Родриго Хименеса де Рада («О делах испанских»). В «Истории Испании» он становится племянником Геркулеса, получая тем самым родословную, и обретает потомков — дочь Либерию, восполняя тем самым недостающее звено в череде легендарных правителей Испании. В истории сказано, что у Испана была «красавица дочь по имени Либерия, и была она весьма сведуща в астрологии, так как тот, кто ее обучал, был самым большим мудрецом в Испании в ту пору; был он звездочетом Атласом, и за это его высоко ценил Геркулес; потому испросил Испан ее одобрения для основания Кадиса» (История Испании, гл. 10)⁹. Сама Либерия, этимология ее имени и вся ее роль целиком созданы хронистами мастерской Альфонсо X. Задача, стоявшая перед ними, заключалась в стремлении создать древнюю легенду, которая могла бы правдоподобно объяснить основание Кадиса и все основные топонимы будущего королевства. Испан дает имя Испании, Либерия созвучна Иберии, а ее жених Пирус (или Пир) — Пиренейскому полуострову. Биография Либери создана, во-первых, по аналогии с самим Геркулесом, принцесса — знаток астрологии и советчик своего отца¹⁰ (в хронике советчик-астролог всегда связан с темой предопределения и судьбоносности происходящих с ним событий). Во-вторых, Либерия, подыскивая мужа по любви, дает женихам три задания — соорудить по ее велению город, выложить его мостовыми и выстроить мост-акведук — и, выбрав того, кто мил ее сердцу, хитростью добивается, чтобы три жениха обустроили новый город, Кадис. Дочь Испана избирает греческого королевича Пируса (другие женихи из Скандинавии и Африки), который и станет следующим королем Испании.

Вот здесь и возникает отдельный сюжет, источник которого до сих пор не установлен (Р. Менендес Пидаль лишь предположил, что источник мог быть арабским). Основой рассказа о дочери Испана Либери, о строительстве Кадиса и греческих корнях испанской монархии становится сказочный сюжет о царевне и выборе жениха испытанием (мотив трудной задачи). Ф. Дельпеш полагает, что в этом сюжете смешаны два фольклорных мотива — испытания при сватовстве и обмана inferнального персонажа для урбанистических целей (строительство моста, акведука, дворца [Delpech 1995: 61–62]). Однако, на наш взгляд, включение второго мотива (с inferнальным персонажем) не кажется убедительным,

⁹ «Este Rey Espan auie una fija hermosa que auie nombre Liberia. Y era much entenduda e sabidor destrologia ca ia ensennara el que era ende el mas sabidor que auie en Espanna a essa sazón, ca lo aprisiera dErcules e de Allas el so estrellero. E por end ouo con ella su acuerdo do poblar Calis» (PCG, cap. 10).

¹⁰ Странники мифологической интерпретации сюжета об Испане отождествляют Испана с Ваалом, а Либерию с Астартой, древние культы которых, вероятно, существовали в Кадисе [Matesanz Gascón 2002].

поскольку трюк с обманом в пользу одного жениха используется во многих сюжетах со сватовством и выбором жениха, а инфернальный персонаж (ключевой маркер мотива) отсутствует.

В рассказе представлены все основные сказочные мотивы сюжетов такого рода: сватовство к принцессе, сложное задание и состязание женихов, хитроумная уловка, применяемая при сватовстве. На самом деле видна связь и с еще одним довольно распространенным мотивом (задание жениху построить канал / акведук / пустить воду соотносится с мотивом Mot. N1138 «Задание: провести воду туда, где ее не хватает»). Сохраняется и порядок следования элементов. Как видно, получившийся рассказ не просто заимствуется из определенного книжного или фольклорного источника, но складывается путем смешения ряда мотивов, подходящих для целей хронистов: восполнить лауну в истории легендарных правителей Иберии, связав ее с историей завоеваний полуострова (греко-финикийский субстрат), дать этиологическую легенду основания Кадиса, учитывая его архитектурные реалии (акведук), дать рациональное объяснение различным наименованиям страны и придать рассказу о легендарном прошлом автохтонный (а по сути, конечно, псевдоавтохтонный) и правдоподобный характер. Заимствование готового сюжета этой задаче несомненно бы помешало.

Еще один сюжет, возникший на смешении фольклорных и книжных мотивов и не имеющий установленного источника, — это рассказ об отшельничестве короля Рокаса и его женитьбе на дочери короля Таркуса (гл. 11–13). Король Рокас и его сыновья были, согласно хронике, легендарными основателями того места в центре страны, где впоследствии по распоряжению короля Пируса возникнет город, на месте которого позже будет основан Толедо (столица Испании при Альфонсо X). Можно предположить, что само имя короля Рокаса (Rocas) происходит от латинизированной формы испанского слова *roca* 'скала, гора, твердыня' и связано с горой, где поселился в пещере в уединении Рокас и где позже его сыновья построили две башни (хронист поясняет, что на месте одной из них расположен алькасар Толедо, а на месте другой — башня св. Романа). Рокас «пришел туда, где нынче расположен Толедо, увидел, что место это, как никакое другое, расположено в самом центре Испании и есть там высоченная гора, и понял благодаря своим знаниям, что следует там быть большому городу, но не он станет его основателем» (История Испании, гл. 12)¹¹.

Сюжет об отшельничестве и женитьбе вставлен в вымышленную биографию короля Рокаса, происходящего, как сказано в хронике, родом из Эдема, что служит намеком на божественное происхождение героя («...был он родом из мест, лежащих в восточной части того места, которое называется Эдемом — там, как рассказывают истории, находится рай, где

¹¹ «...e desde fue alli o agora es Toledo, uio que aquel logar era mas en medio dEspanna que otro ninguno, e auie y muy grand montanna, y entendió por so saber que alli auie a auer una grand cibdat, mas que no la poblarte el» (PCG, cap. 12).

был сотворен Адам» — История Испании, гл. 11¹²). Рокас был человеком ученым, имевшим большое пристрастие к наукам, и провидцем (именно он, согласно хронике, предсказал падение Трои и дал наименование Риму). В «Истории Испании» про него сказано, что он был большим мудрецом и совершал при помощи знания много чудес, а потому люди считали его то ли святым, то ли волшебником. Из-за этого Рокас ушел от людей и поселился на высокой горе, где приручил дракона и медведя, которые помогли ему в пропитании и защите в диких местах:

Он [Рокас] нашел там пещеру, вошел в нее, а там жил гигантский дракон, и когда он увидел его, то очень испугался и попросил его, чтобы не делал дракон ему ничего дурного, ведь все они божьи творения. Дракон так полюбил его, что притаскивал ему часть своей добычи, когда охотился; и так укрывался он долгое время (История Испании, гл. 12)¹³.

Медведь залез в пещеру, Рокас же, увидев его, испугался, но тотчас стал задабривать его и просить, чтоб не делал ему зла, так же как просил и дракона; после этого медведь стал смиренным и припал к его коленям, и тот стал чесать ему голову (Там же)¹⁴.

Именно вид дракона и медведя, прирученных Рокасом, а также его ученость побудили короля Таркуса дать ему в жены дочь и сделать своим наследником. Усмирение дракона и медведя одной лишь лаской и кротостью заимствовано, по-видимому, из житийной традиции (возможно, что мотив укрощения дикого зверя отшельником пришел из французских рыцарских романов, весьма популярных на тот момент в Испании, но и туда он проник из агиографических рассказов). Фольклорный мотив зверей-помощников в агиографии зачастую принимает вид укрощения смирением и добротой человека, отмеченного Господней благодатью. В рассказе об отшельничестве короля дракон и медведь имеют сходную символику (дикой неукротенной силы) и выполняют сходную функцию защиты слабого короля-отшельника. Медведь защищает Рокаса, положив голову ему на колени, от местного охотника, а дракон делит с ним пищу, не давая умереть с голоду. Приручение зверей Рокасом можно рассматривать как своего рода символ укрощения героем горы и местных жителей, которые затем принимают его как короля (Рокас женится на дочери местного правителя, и его сыновья построят две башни, которые обозначат место будущей столицы Испании).

¹² «...y era de tierra doriente a la parte que-llaman Eden, alli o dizen las estorias que es el parayso o fue fecho Adam» (PCG, cap. 11).

¹³ «E fallo y una cueua en ques metio o yazie un dragon muy grand, e quandol uio, temiendosse del, rogol que nol fizies mal, ca todos eran criaturas de Dios. El dragon coio tal amor con el, que 10 que caçaua trayegelo alli, e daquello guarecio una grand sazón» (PCG, cap. 12).

¹⁴ «Y ell osso metiosse dentro; e Rocas, en quel uio uenir, ouo miedo, pero comentol de falagar y rogol que nol fiziesse mal, bien cuerno fiziera al dragón; y ell osso omillosses luego, y echos le en el regato; el comentol a rascar en la cabeça» (PCG, cap. 12).

Местных источников у этого рассказа не обнаружено. При этом можно легко распознать целый набор распространенных фольклорных, книжных и житийных мотивов, использованных для сложения этого легендарного рассказа. Пространный рассказ о короле Рокасе включает в себя смесь мотивов, которые, по образному выражению А. Н. Веселовского, «снуются», образуя легендарную биографию: мотив легендарного мудреца и провидца; мотив отшельничества; мотив помощи диких зверей в пропитании и защите героя; мотив обретения королевства посредством брака с принцессой; мотив основания города. Заметим, что часть этих элементов встречается, например, в биографии кельтского мага и провидца Мерлина (он также известен пониманием языка животных, в частности драконов) из «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, хорошо известной хронистам Альфонсо X.

К. Гонсалес полагает, что оба разбираемых нами сюжета (Либерия и Пирус; Рокас и дочь царя) восходят к одному фольклорно-сказочному мотиву — мотиву спасения царевны от дракона чужеземным героем, только в обоих случаях мотив существенно трансформирован [González 1992: 67]. В первом случае аналогом дракона оказывается природа места будущего Кадиса, которую надо укротить; во втором — дракон живет в пещере, в которой поселяется Рокас. Надо заметить, что мотив этот совершенно не узнаваем в историях Либерии и Рокаса, и такая интерпретация кажется насильственной. Тем более что во втором сюжете, хотя дракон и присутствует, но оказывается укрощен и приручен задолго до знакомства с королем Таркусом и его дочерью.

Главным, на наш взгляд, в обоих случаях является мотив основания города: в случае с Либерией и тремя женихами очевиден сказочный паттерн — это сюжет о сватовстве. Во втором же изобретен необычный персонаж, своего рода аналог Одиссея и противоположность Геркулесу (двух легендарных открывателей Иберии), мудрец и провидец. Роль провидца, отторгаемого всеми, легко соединилась с ролью отшельника, приручившего зверей и заслужившего своими знаниями и кротостью брак с принцессой. А дракон и медведь скорее выступают в роли волшебных помощников, нежели зверей, от которых надо избавиться. В конечном счете именно их подчинение Рокасу завоевало ему расположение короля Таркуса. Знакомые фольклорные и книжные мотивы, сложенные в псевдорегальные биографии Испана, Пируса, Либерии, Рокаса с указанием правдоподобно звучащих имен (преимущественно эпонимических) и названий реальных мест, создают ощущение фактографической точности рассказа.

Таким образом, комментируя различные микросюжеты, вплавленные в ткань средневековой истории, можно заметить, что в их представлении не последнюю роль играет проблема соотношения п р а в д ы / в ы м ы с л а. Исследованные фрагменты показывают, что цель эта в значительной мере достигается или намеренным созданием нового, неизвестного сюжета, без отчетливо опознаваемого источника (истории Либерии и Рокаса), или осознанным уточнением и изменением традиционных сведений (сатиры как прародители гуннов).

Источники

- Chronica Sigeberti Gemblacensis — Sigeberti Gemblacensis Chronica cum continuatibus / Ed. L. C. Bethmann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Bd. 6. Hannover: Impensis Bibliopolii Avlici Hahniani, 1844. P. 300–374.
- PCG — *Alfonso X el Sabio*. Primera Crónica General de España / Ed. R. Menéndez Pidal: 2 t. Madrid: Gredos, 1977.
- Абердинский bestiарий — The Aberdeen Bestiary (Aberdeen University Library, Univ Lib. MS 24).
- Гетика — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2013.
- Жизнь Павла Пустынника — Жизнь Павла Пустынника. // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 4. Киев: Тип. аренд. Е. Т. Керер, 1880. С. 1–11. (Б-ка творений Св. Отцев и Учителей Церкви Западных ...; Кн. 6).
- История Испании — *Альфонсо Х мудрый и сотрудники*. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис: [Комментированный перевод по транскрипции средневекового текста, осуществленного Рамоном Менендесом Пидалем («Первая всеобщая хроника Испании»)] : В 3 т. / Под общ. ред. О. В. Аузова (сост., отв. ред.), И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. Т. 1. СПб.: Наука, 2019.
- Поэтика — *Аристотель*. Поэтика // Гаспаров М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Греция. М.: Нов. лит. обозрение, 2021. С. 794–832.
- Этимологии — *Исидор Севильский*. Этимологии, или Начала: В XX книгах. Кн. I–III: Семь свободных искусств / Пер с лат., ст., примеч. и указатели Л. А. Харитоновой. СПб.: Евразия, 2006.

Сокращения

- Mot. — *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends: 6 Vols. Rev. and enl. ed. Bloomington, Indiana Univ. Press, 1955–1958.

Литература

- Литвина, Успенский 2009 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* На рубеже устной и письменной традиции: диалог в русской летописи и его возможные источники // Слово устное и слово книжное / Сост. М. А. Гистер. М.: РГГУ, 2009. С. 43–53. (Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика).
- Лучицкая 2001 — *Лучицкая С. И.* Образ Другого: Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
- Махов 2013 — *Махов А. Е.* HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря. М.: Intrada, 2013.
- Delpech 1995 — *Delpech F.* Mujeres, canales y acueductos: contribución para una mitología hidráulica // El agua, mitos, ritos y realidades: Coloquio Internacional, Granada, 23–26 Noviembre 1995 / Ed. J. A. González Alcantud, A. Malpica Cuello. Barcelona: Anthropos, 1995. P. 61–86.
- Gómez Redondo 1998 — *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. Vol. 1. Madrid: Cátedra, 1998.
- González 1992 — *González C.* Salvajismo y barbarie en la Estoria de España // Nueva Revista de Filología Hispánica. Т. 40. №1. 1992. P. 63–71.
- Matesanz Gascón 2002 — *Matesanz Gascón R.* Hispano, héroe epónimo de Hispania // Gal-laccia: revista de arqueoloxía e antigüidade. №21. 2002. P. 345–370.

Rubio Tovar 2019 — *Rubio Tovar J.* Los relatos históricos de Alfonso X: búsqueda y construcción de la verdad // e-Spania. Vol. 34. Octubre. 2019. URL: <http://journals.openedition.org/e-spania/32165>. <https://doi.org/10.4000/e-spania.32165>.

References

- Delpéch, F. (1995). Mujeres, canales y acueductos: contribución para una mitología hidráulica. In J. A. González Alcántud, & A. Malpica Cuello (Eds.). *El agua, mitos, ritos y realidades: Coloquio Internacional, Granada, 23–26 Noviembre 1995* (pp. 61–86). Anthropos.
- Gómez Redondo, F. (1998). *Historia de la prosa medieval castellana* (Vol. 1). Cátedra.
- González, C. (1992). Salvajismo y barbarie en la Estoria de España. *Nueva Revista de Filología Hispánica*, 40(1), 63–71.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2009). Na rubezhe ustnoi i pis'mennoi traditsii: dialog v russkoi letopisi i ego vozmozhnye istochniki [On the boundary between orality and literacy: dialogue in the Russian chronicle and its possible sources]. In M. A. Gister (Ed.). *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe* (pp. 43–53). RGGU. (In Russian).
- Luchitskaia, S. I. (2001). *Obraz Drugogo: Musul'mane v khronikakh krestovyykh pokhodov* [The image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. Aleteia. (In Russian).
- Makhov, A. E. (2013). *HOSTIS ANTIQUUS: Kategorii i obrazy srednevekovoi khristianskoi demonologii: Opyt slovaria* [HOSTIS ANTIQUUS: Categories and images of mediaeval Christian demonology]. Intrada. (In Russian).
- Matesanz Gascón, R. (2022). Hispano, héroe epónimo de Hispania. *Gallaecia: revista de arqueología e antigüidade*, 21, 345–370.
- Rubio Tovar, J. (2019). Los relatos históricos de Alfonso X: búsqueda y construcción de la verdad. *e-Spania*, 34(Octubre). <http://journals.openedition.org/e-spania/32165>. <https://doi.org/10.4000/e-spania.32165>.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Ершова

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-литературных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
ведущий научный сотрудник,
Отдел классических европейских
литератур Запада и сравнительного
литературоведения, Институт мировой
литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
✉ i.v.ershova@list.ru

Information about the author

Irina V. Ershova

Dr. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Center for Studies
in History and Literature, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Leading Researcher, Department of Classical
Western Literature and Comparative
Literary Studies, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
✉ i.v.ershova@list.ru